

АНАЛИЗ МЕЖПОКОЛЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯПОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

© 2024

В. В. Назарова¹

В статье поднимаются проблемы трансформации японской семьи во второй половине XX в. Особое внимание уделяется межпоколенным связям. Выявляются причины, способствующие разрушению традиционных семейных ценностей в японском обществе. Раскрывается прежде всего взгляд японских исследователей на поднимаемые в работе проблемы. Старение нации рассматривается как комплексная проблема, как результат нарушения традиционных межпоколенных связей. Делается вывод о том, что для современной японской семейной системы характерны как старые ценности, так и новые тенденции, приближающие японскую семью к характеристикам современной европейской нуклеарной семьи.

Ключевые слова: японская семья, межпоколенные связи, «отцовский принцип», «материнский принцип», старение нации, традиционные семейные ценности

Для цитирования: Назарова В. В. Анализ межпоколенных отношений в японском обществе второй половины XX в. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 243–247. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-243-247

ANALYSIS OF INTERGENERATION RELATIONS IN JAPANESE SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Veronika V. Nazarova

The article raises the problems of transformation of the Japanese family in the second half of the twentieth century. Particular attention is paid to intergenerational connections. The reasons contributing to the destruction of traditional family values in Japanese society are identified. First, the view of Japanese researchers on the problems raised in the work is revealed. The aging of a nation is seen as a complex problem, as a result of the breakdown of traditional intergenerational ties. It is concluded that the modern Japanese family system is characterized by both old values and new trends that bring the Japanese family closer to the characteristics of the modern European nuclear family.

Keywords: Japanese family, intergenerational connections, “fatherly principle”, “maternal principle”, aging of the nation, traditional family values

For citation: Nazarova V. V. Analysis of the Intergenerational Relations in Japanese Society in the Second Half of the Twentieth Century. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 243–247. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-243-247

---

¹ Назарова Вероника Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, Армавир; senaza@yandex.ru

Veronika V. Nazarova, PhD (Hist.), Associate Professor Department of General and National History Armavir State Pedagogical University, Armavir; senaza@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8473-2115

В современной России особое внимание уделяется семье и традиционным семейным ценностям. Институт семьи переживает нелёгкие времена: растёт количества разводов, неполных и бездетных семей. В этих условиях особый интерес для исследователей представляют семейные отношения восточных обществ, где, как принято считать, сохраняются семейные традиции из поколения в поколение. Но с какими трудностями семья столкнулась даже в этих странах? Какие тенденции характеризуют её развитие? Постараемся ответить на данные вопросы, проанализировав межпоколенные отношения в японском обществе второй половины XX в.

В современных исследованиях огромное внимание уделяется проблеме взаимоотношений родителей и детей. Это, с одной стороны, позволяет выявить процесс формирования полоролевых установок у ребёнка, а с другой — проследить изменения в межпоколенных связях.

Во второй половине XX в. японки неуклонно приобретали всё больше «прав» над детьми (при условии, что они были «безупречными» матерями и полностью посвящали свою жизнь семье). Японское общество столкнулось с проблемой кризиса «отцовских прав», когда отец «вытеснялся» из «семейного пространства», отдаляясь от детей, их воспитания. Падал и авторитет отца в семье. Основной причиной ослабления маскулинного фактора при выполнении репродуктивной функции семьи можно выделить изменение статуса детей. Многие феминистские авторы, такие как Энн Оукли, Кэрол Смарт и др., обратили внимание на то, что ответственность за воспитание детей переместилась на женщин тогда, когда дети стали скорее экономическим пассивом, чем экономическим активом, что совпало с распространением идеологии женской хозяйственности и женственности. Данный процесс (увеличение «материнского права» и уменьшение «отцовского») можно назвать не просто эмансипацией «японской семьи», но даже её феминизацией.

Как отмечает Отиаи Эмико, с переходом от аграрного к индустриальному обществу меняется роль детей и их место в системе социально-экономических ценностей. В аграрном обществе дети выступали в роли «производственных товаров» (*producer goods*), и на них смотрели как на маленьких взрослых, участников производственного процесса, коллективного семейного труда. В таком обществе отец брал полную ответственность за воспитание сына и его обучение семейному делу. К тому же в таких семьях в большей мере ощущалась отцовская власть. В индустриальном обществе дети становятся «потребительским товаром» (*consumer goods*), в них чаще всего видят горячо любимых баловней на протяжении всего детства. В индустриальном и постиндустриальном обществах детей принимают и любят в семье независимо от их участия в трудовой деятельности. Одна из причин этого явления — то, что в современной Японии мало кто наследует семейное дело: в основном не только дочери, но и сыновья уходят работать в чужие компании или корпорации и зарабатывают деньги для себя лично, а не для своих родителей [Ochiai Emiko, 1997, p. 46]. В связи с тем, что отпадает необходимость непосредственного участия отца в обучении сына, ослабляется их взаимосвязь, в то время как влияние матерей заполняет этот вакуум. Обозначенная тенденция межпоколенных отношений ещё больше стала очевидной в условиях развития постиндустриального общества.

Известный японский психиатр Каваи Хаяо рассматривает усиление власти матери в связи с рядом проблем, которые обрушились на послевоенную японскую семью:

- агрессия;
- нервозность;
- эгоистичность детей.

Он отмечает, что поведение японцев связано с доминированием в их культуре «материнского принципа», в отличие от европейцев и американцев, у которых господствует «отцовский принцип». «Материнский принцип» подразумевает поведение матери, позволяющей своему ребёнку делать всё, что ему хочется. «Отцовский принцип» моделируется по типичному поведению отца,

ориентированному на разделение и классификацию всего как субъективного и объективного, хорошего и плохого и т. д. В отличие от матери, заявляющей: «мой ребёнок — хороший ребёнок», отец чаще говорит: «только хороший ребёнок мой». Полное нарушение баланса «материнского» и «отцовского» принципов (реализуемого в довоенные годы часто при помощи традиционной общественной среды) в условиях процветания страны превратил процесс становления ребёнка как личности в воспитание искусственных «хороших детей», чрезмерно опекаемых их матерями [Kawai Naoya, 1986, p. 303]. Нельзя не отметить, что японское общество само порождало эту проблему, ожидая от отца выполнения функции «добытчика» (что предполагало его отсутствие дома и проведение основного времени на работе; он возвращается домой, когда дети чаще всего уже спят, и уходит на работу, когда они, возможно, ещё не проснулись, он практически никогда не берёт больничный по уходу за ребёнком, в связи с чем постепенно превращается в постороннего «человека», можно сказать, что само общество «вытесняло» отца из семьи), в свою очередь понятие «хорошей матери» включало посвящение себя дому и детям, что не могло не приводить к чрезмерной опеке детей (в современной Японии многие молодые люди не стремятся покинуть родительский дом, так как мама готовит еду, убирает, стирает и полностью создаёт комфортные условия жизни, в то время как самостоятельная жизнь может лишить их всех привычных благ. С одной стороны, это приводит к усилению роли «матери» в семье, к росту её авторитета, с другой — порождает зачастую потребительское отношение детей к ней).

Стоит отметить, что нарушение традиционных гендерных позиций отца и матери при выполнении репродуктивной функции семьи тесно связано с процессом феминизации самой японской семьи. И если японские консерваторы делают акцент только на негативные последствия, особенно обвиняя матерей в агрессивном поведении ребёнка, который посредством своей агрессии стремится освободиться от опеки матери, то японские гендеристы и исследователи по женскому вопросу указывают и на другие моменты, связанные с тем, что власть женщин в семье ведёт к изменению самой семьи и уменьшению дискриминации японок [Lock, 1990, p. 42]. Именно в таких семьях воспитывалось новое поколение японок и японцев, которые были уже менее «полотипизированны», чем предшествующее им поколение.

Внутри семьи дети получают свою первоначальную социализацию, которая влияет на представление ребёнка о самом себе, так что дети приобретают все характерные черты, которые считаются «соответствующими их полу». Учитывая, что мужские и женские черты в большей степени являются приобретёнными, чем врождёнными, можно сказать, что от воспитания матери зависит, вырастут ли дочь и сын в атмосфере равноправия полноценными личностями или девочка научится подчиняться, а мальчик командовать. В начале 1990-х годов в Японии проводились очередные опросы общественного мнения по проблеме равенства полов. Было выявлено, что в современных семьях существует небольшая разница в помощи по дому матерям их дочками и сыновьями. Так, уборкой квартиры и стиркой занимаются девочки — 1,3%, мальчики — 1,2%; ходят в магазин за покупками дочки — 2,2%, сыновья — 2%; помогают готовить пищу практически одинаково представители обоих полов — 1,5% и 1,4%; аналогичная ситуация с уборкой и мытьём посуды — 3,1% и 3,2% (интересно, что такую традиционную женскую работу, как мытьё посуды, мальчики выполняют даже чаще, чем их сёстры). Отметим и то, что уход за младенцами больше ложится на плечи девочек (1,6% и 1,3%), в то время как за престарелыми бабушками и дедушками внуки смотрят чаще, чем внучки (1,4% и 2,6%) [Фудзин хакусё, 1998, p. 65]. Исходя из результатов опросов, можно говорить о двух тенденциях в воспитании детей:

- во-первых, подход к девочкам и мальчикам становится менее полусимметричным (чем раньше), что повышает вероятность во взрослой жизни помощи мужа жене в домашнем хозяйстве;
- во-вторых, наблюдается общее снижение занятости детей в семейном хозяйстве, что приводит к нежеланию в будущем быстро менять свою комфортабельную жизнь, обзаводясь семьёй (прежде всего это относится к девушкам, так как они пользуются услугами матерей

и не спешат оказаться на их месте, хотя молодые люди также не спешат нести ответственность за жену и детей).

Нельзя не отметить и то, что японские женщины — преданные матери и домохозяйки, но в послевоенной Японии постепенно подрастало поколение, которое по-новому стало относиться к месту женщины и мужчины в семье, а, следовательно, стало искать новые формы совместной жизни и воспитания детей. Во второй половине XX в. появился и стал распространённым новый тип жены («работающей матери»). Менялось и отношение японцев к работающим женщинам (замена негативного отношения к работающей жене на одобрение её занятости). Так, уже в начале 1990-х годов 83,9% японских женщин и 87,7% мужчин считали вполне нормальным для женщины наниматься на оплачиваемую работу, но при этом не забывать и о семейных обязанностях [Фудзин хакусэ, 1998, р. 65–66]. На смену устойчивой и прочной «современной семье» с женой в роли домохозяйки, двумя-тремя детьми и мужем, занятым в сфере общественного производства, пришли малодетные семьи. Нуклеарная семья становилась новой реальностью Японии.

С 1975 г. в японском обществе всё чаще стали слышны обвинения современной молодёжи в её неспособности быть хорошими родителями из-за отсутствия у девушек «материнских качеств» («*босэй*»), а у молодёжи вообще — «родительских качеств» («*оясэй*»). Это было неслучайно, так как с середины 1970-х годов начала снижаться рождаемость в стране. В 1990 г. всю Японию охватил так называемый «шок 1,57», вызванный тем, что в том году японская статистика отметила самое сильное падение рождаемости (после Второй мировой войны). В дальнейшем тенденция падения сохранялась: в 1991 г. — 1,53 ребёнка, в 1993 г. — 1,46, в 1994 г. — 1,50 [About Japan Series 19, 1994, р. 32–35]. То есть даже при незначительном повышении в 1994 г. рождаемость по-прежнему оставалась значительно ниже цифры 2,1, необходимой для ослабления тенденции старения японского общества. Многие исследователи делали прогноз на начало XX в. М. Лок, Каваи Хаяо и др. отмечали, что при сохранении тенденции старения населения в 2008 г. в Японии число занятых полное рабочее время женщин и больных стариков будет практически одинаковым. Время подтвердило данные демографические прогнозы и опасения по поводу старения нации. Современная Япония расширяет программы по решению этой проблемы. Проводится популяризация самой семьи и семейных ценностей; политика «возвращения отца в семью», предусматривающая поощрение и даже обязанность брать отпуск по уходу за детьми, отчитываться на работе о мероприятиях, совместно проведённых с ребёнком, за что мужчина может получить премию и даже повышение по службе. Предусматриваются и другие льготы.

В конце 1990-х годов каждая двадцатая супружеская пара не имела детей [Тихоцкая, 2000, с. 270]. Главными причинами снижения рождаемости были трудности совмещения воспитания детей с работой вне дома, откладывание вступления в брак и беспокойство относительно будущего детей в мире, где качество природной среды постоянно снижается [Iwao Sumiko, 1995, р. 349]. Исследователи проблем, связанных с народонаселением, — Р. Резерфорд, С. Сакамото и Н. Огава указывают, что изменения представлений об идеальном размере семьи в японском обществе связано со снижением «ценности детей», то есть ожидаемой от них поддержки в престарелом возрасте. На вопрос: «Планируете ли вы зависеть от детей в старости?» положительно отвечали в среднем 65% респондентов в 1950 г. и лишь 17% — в 1994 г. [Retherford, Ogawa Nao, Sakamoto Satomi, 1996, р. 18].

Параллельно с уменьшением «ценности детей» в качестве опоры в конце жизни в изучаемый период повышалась «стоимость» воспитания и обучения подрастающего поколения, что также не способствовало демографическому росту. По оценкам японского правительства, средняя «стоимость» ребёнка от рождения до окончания университета составляла в середине 1990-х годов около 20 млн иен (около 241 тыс. ам. долл.) [Retherford R. D., 1996, р. 24].

Изменение традиционных семейных установок было выявлено и в результате обследования, проведённого газетой «Майнити» и университетом Нихон в разных районах Японии в начале 1990-х годов.

Так, отвечая на вопрос: «С кем бы предпочли жить в старости?», 36% японок в возрасте 60 лет и старше назвали своего супруга, 21% — собственную дочь и зятя, 32% — старшего сына и невестку. Причём чем моложе женщины, тем чаще они предпочтение отдавали дочерям [Martin L. G., 1991, p. 300]. Если при системе *из* (традиционная большая патриархальная семья) с дочерью доживали век только не имеющие сына супруги, то в послевоенной Японии проживание в семье сына или дочери стало менее всего зависеть от традиционных установок и определялось сочетанием демографических и социоэкономических факторов. Отход от традиционной схемы межпоколенных отношений стал очевиден в сокращении совместного проживания с родителями семьи старшего сына: так, если в начале 1960-х годов количество таких семей составляло 58%, то уже в 1980–1982 гг. — 41% [Нихон кокусай дзукай, 1988, с. 29].

Л. Г. Мартин (сотрудница Джорджтаунского университета) и Н. О. Цуя (сотрудник Института изучения проблем населения при университете Нихон) отмечают, что, «изучая изменения в традиционных межпоколенных семейных отношениях в Японии, прежде всего надо учитывать следующие факторы: порядок рождения (старшие дети любого пола чаще живут с родителями) и семейное положение родителей (одиноким предпочитают стареть в семье своего ребёнка). Помимо двух демографических факторов, огромное значение имеет социоэкономическое положение родителей и детей. Так, проживание в сельской местности и занятость в сельском хозяйстве повышают вероятность совместного проживания. Отрицательно на совместное проживание влияют уровень образования детей и родителей и городское место жительства» [Martin L. G., 1991, p. 301–311], последнее часто зависит не только от желания или нежелания детей и родителей жить вместе, но и от жилищных условий. При этом надо брать во внимание, что вследствие развития системы социального обеспечения, а также «заботы» предприятий и создания личных накоплений престарелые родители стали гораздо более самостоятельны в финансовом плане и способны сами помочь детям.

Таким образом, можно говорить, что в Японии второй половины XX в. некоторые семьи переходят от чисто традиционных взаимоотношений родителей и детей к принятой на Западе модели «близость на расстоянии». Выделенные и проанализированные нами основные изменения, а также проблемы японской семейной системы не могли не изменить саму сущность семьи и те функции, которые она призвана выполнять.

Литература / References

Тихоцкая И. С. Роль традиций в современной японской семье. *Япония-2000: консерватизм и традиционализм*. М., 2000. С. 252–272 [Tikhotskaya I. S. The role of traditions in the modern Japanese family. *Japan-2000: conservatism and traditionalism*. Moscow, 2000. Pp. 252–272 (in Russian)].

About Japan Series 19. Japanese Families. Tokyo, 1994.

Iwao Sumiko. The Evolving Role of Women. *Japan Review of International Affairs*. Tokyo, 1995. Vol. 9. № 4. Pp. 342–363.

Kawai Hayao. Violence in the Home: Conflict Between Two Principles — Maternal and paternal. *Japanese Culture and Behavior*. Honolulu, 1986. Pp. 297–306.

Lock M. Restoring Order to the House of Japan. *Wilson quarterly*. Washington, 1990. Vol. 14. № 4. Pp. 42–49.

Martin L. G. Interactions of Middle — Aged Japanese With Their Parents. *Population Studies*. London, 1991. Vol. 45. № 2. Pp. 299–311.

Ochiai Emiko. *The Japanese Family System in Transition: A Sociological Analysis of Family Changes in Postwar Japan*. Tokyo, 1997.

Retherford R. D. *Values and Fertility Change in Japan* / R. D. Retherford, Ogawa Nao, Sakamoto Satomi. *Population Studies*. London, 1996. Vol. 50. № 1. Pp. 5–26.

Нихон кокусай дзукай. Токио, 1988 [Statistical Reference Book on Japan. Tokyo, 1988 (in Japanese)].

Фудзин хакусэ. Токио, 1998 [White Book on Women. Tokyo, 1998 (in Japanese)].